

в искусстве)». Анализируя теоретический, точнее, теологический аспект проблемы картины мира у византийцев, Ф. Винкельман справедливо показывает огромное влияние на христианскую догматику античной философии, в частности собственного ей восприятия мира как порядка и гармонии.

В разделе, посвященном византийскому самосознанию (с. 79—84), автор удачно, на наш взгляд, полемизирует с устоявшейся точкой зрения относительно политическо-идеологической модели императора (так называемой *Kaiseridee*). Ф. Винкельман справедливо подчеркивает, что эта модель отражает представление лишь правящей верхушки Византии и было бы опасно отождествлять ее со взглядами на императора остальных византийцев. В то время как Евсевий заложил теологический фундамент официальной точки зрения, жизни святых, рассказы об аскетах и монахах открывают, как показано в книге, иной пласт представлений об императоре, ибо в этих источниках он помещен в один ряд с другими христианскими подвижниками: мучениками, исповедниками, аскетами, святыми, отшельниками (с. 78—80).

Что же касается народных масс, то, опираясь на аккламации, произносимые ими в адрес императора, в частности в адрес Маврикия (во время его бракосочетания с Констанцией в 582 г.), Ф. Винкельман показывает, что они воспринимали императора как вполне обычного человека, подвластного Богу в той же мере, как и все остальные люди. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что речь в данном случае идет об отклонении от императорской идеологии, а не об отрицании императорской власти как института и, следовательно, не о создании принципиально иной политической концепции (с. 80—81). В том же ракурсе проанализированы в работе и представления византийцев об империи (с. 81—83).

Далее в главе рассматриваются притязания византийцев на культурное превосходство, тесно связанное с принадлежностью к христианству в его православной форме. Мерило византийского и не византийского в представлениях граждан империи находилось, как полагает Ф. Винкельман, в религиозной сфере в той мере, в какой они задевали сущность христианства и вопросы истинности веры. В связи с этим автор говорит об окончательном складывании уже в IV в. религиозной нетерпимости и об отсутствии теологической интеграции в Византии раннего периода (с. 83). Однако здесь, как бы противореча самому себе,

исследователь ссылается на императорские постановления, в частности на закон императора Феодосия от 27 февраля 380 г. (XVI.1.2), письмо Феодора Студита и т. д., т. е. свидетельства, касающиеся узкого круга верхов общества, хотя, можно было бы привести примеры, касающиеся и широких народных масс (вспомним хотя бы о зверском убийстве Ипатии).

Однако немало есть в ранневизантийской истории фактов, свидетельствующих о все еще весьма значительной роли язычества в эту эпоху и о религиозной терпимости, характерной для этого времени. Так, в окружении Феодосия, на эдикт которого сослался Ф. Винкельман, было немало язычников⁵, а археологические раскопки, произведенные, например, в Сардах, показывают, что лавки ремесленников-христиан находились в дружеском соседстве с лавками язычников и иудеев, перемежаясь между собой⁶. Вспомним, наконец, и о том, что Василий Кесарийский был в дружбе с Либанием, который, хотя и был страстным поклонником язычества, являлся корреспондентом другого известного христианина Фалассия, бывшего крупным государственным деятелем той поры, а также дружил с первосвященником иудеев Гамалиелем⁷.

Переходя к разделу о цели человеческого существования в представлении византийцев, Ф. Винкельман подчеркивает влияние на них теологии и философии, останавливаясь затем на характеристике византийского аскетизма, нашедшего свое проявление в Византии в более разнообразных формах, нежели на Западе, что автор объясняет особенностью его истоков, в которых дали о себе знать самые разные элементы — христианский, античный, сирийский, греческий (с. 96—98).

Глава «Точки кристаллизации» начинается и заканчивается архитектурой. Начинается она с анализа так называемой репрезентативной архитектуры империи (светской и церковной), а завершается описанием жилищ основной массы населения в разделе о повседневной жизни (с. 137—141, 167—168). Несколько удивляет то, что в последнем случае в качестве примера используются жилища, обнаруженные в ходе раскопок, проводимых на территории Болгарии и Югославии. Понять авторов можно — они стре-

⁵ Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam. 1959. T. 1. P. 171.

⁶ Fass C. Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge (Mass.); L., 1976. P. 42—43.

⁷ Libanii Ep. 54, 62, 914, 918 etc.